

УДК 347.9, 341.645.5
DOI 10.52452/19931778_2022_2_117

**СФЕРА ДЕЙСТВИЯ ЗАКОНА О КОМПЕНСАЦИИ
В СВЕТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПРАКТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА:
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ЗА ДОЛГИ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ**

© 2022 г.

Е.А. Сомов

Арбитражный суд Волго-Вятского округа, Н. Новгород

f01.esomov@arbitr.ru

Поступила в редакцию 17.08.2021

Рассматривается вопрос совершенствования права на исполнение судебного акта в разумный срок. Главным образом оно основано на изучении прецедентной практики Европейского суда по правам человека, чье «пилотное» постановление стало отправной точкой возникновения в отечественном праве института присуждения компенсации. Исследование указанной прецедентной практики позволило прийти к выводу о возможности распространения данного механизма судебной защиты и на исполнение судебных актов имущественного характера, в которых должником является унитарное предприятие.

Ключевые слова: присуждение компенсации; разумный срок; исполнение судебного акта; Европейский суд по правам человека; унитарные предприятия; институциональная и оперативная независимость.

Рассматривая вопросы о совершенствовании института присуждения компенсации на основании Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [1] (далее – Закон о компенсации), важно учитывать, что данный институт имеет двойственную правовую природу. Так, хотя присуждение компенсации является институтом отечественного права, но само право на получение компенсации вытекает из Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], в силу чего имеет и соответствующую ему конвенционную природу. По существу, такая природа означает, что данный институт построен на нормах Конвенции, ее толковании и прецедентной практике Европейского суда по правам человека. Таким образом, одним из направлений исследования данного правового института, в том числе в целях его совершенствования и развития, является изучение прецедентной практики Европейского суда.

Как известно, в статье 1 Закона о компенсации четко и ясно определен круг случаев, в которых у конкретного субъекта есть право на присуждение такой компенсации. В частности, применительно к компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок речь идет об исполнении решений: 1) предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ; 2) возлагающих на органы государственной власти и местного самоуправления, иные орга-

ны и организации, которые наделены отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, служащих, обязанность исполнить иные требования имущественного характера и (или) требования неимущественного характера.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [3] дал краткие разъяснения по данному положению в пункте 2, из которых следует, что при нарушении разумного срока исполнения судебного акта о взыскании такое взыскание должно быть обращено на средства бюджета или по же денежным обязательствам казенного учреждения, органов государственной власти или местного самоуправления.

В то же время участие государства в гражданско-правовых отношениях не ограничивается лишь отношениями с участием указанных лиц. Так, еще одной формой участия является создание унитарных предприятий, то есть, как установлено в пункте 1 статьи 113 ГК РФ [4], коммерческих организаций, не наделенных правом собственности на закрепленное за ними собственником имущество и действующих в формах государственных и муниципальных предприятий. При этом такие предприятия могут создаваться как на праве хозяйственного ведения, так и на праве оперативного управления (казенное предприятие) (пункт 2 статьи 2

Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [5]).

По общему правилу, учредитель унитарного предприятия (собственник имущества, закрепленного за предприятием) не несет ответственности по обязательствам государственного (муниципального) предприятия. Исключение составляет случай, когда несостоятельность (банкротство) предприятия была вызвана собственником имущества. Напротив, по обязательствам казенного предприятия учредитель несет субсидиарную ответственность (в тех случаях, когда имущества недостаточно для удовлетворения требований) (пункты 2 и 3 статьи 7 названного Закона).

Судебные решения о взыскании денежных средств с таких предприятий не указаны ни в Законе о компенсации, ни в соответствующих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Исходя из природы и существа компенсации можно предположить (гипотеза), что неисполнение в разумный срок судебных актов о взыскании с предприятий в некоторых случаях может быть связано с действиями учредителя (собственника имущества) и компенсация может быть распространена и на эти случаи.

Данная гипотеза находит свое подтверждение в прецедентной практике Европейского суда. Следует отметить, что соответствующие прецедентные правовые позиции были предметом исследования в научной литературе, но по большей части исследователи ограничивались цитатами нескольких основных позиций Европейского суда или же рассматривали вопросы субсидиарной ответственности государства по долгам предприятия. В связи с присуждением компенсации данный институт не исследовался. Среди таких работ можно отметить статьи М.А. Сучковой [6], Н.Н. Воробьевой, А.Ю. Зезекало [7], Г.Н. Склярова [8], Р.Р. Садриевой [9], И.Е. Кабановой [10] и других авторов.

В настоящей статье предпринята попытка разобрать данные подходы применительно к исследованию института присуждения компенсации, а также имплементации данных правовых позиций в Закон о компенсации.

Итак, ключевые исходные принципы по данному вопросу обобщены и сформулированы в двух делах Европейского суда – *Liseytseva and Maslov v. Russia* [11] и *Mikhail Vitalevich Samsonov v. Russia* [12]. В основе рассмотрения этой гипотезы лежит подход, при котором Европейский суд применяет одну и ту же модель анализа фактических обстоятельств и правового регулирования для концепций «публичного органа» и «правительственной организации» ([11, §186];

Kotov v. Russia [13, §95]; *Mykhaylenky and Others v. Ukraine* [14, §43–46]).

Первый случай касается ответственности государства *ratione personae* за действия органа, который не является, формально, «публичным органом». При этом Европейский суд указал, что государство не может освобождать себя от ответственности путем делегирования своих обязательств частным органам или лицам ([11, §184]; *Costello-Roberts v. the United Kingdom* [15, §27]; *Storck v. Germany* [16, §103]).

Применительно ко второму случаю Европейский суд указывает, что категория «правительственных организаций» включает в себя юридических лиц, которые участвуют в осуществлении государственных полномочий или оказывают общественные (социальные) услуги под контролем государства. Чтобы установить, относится ли к этой категории конкретное юридическое лицо, отличное от местных органов власти, должны приниматься во внимание его правовой статус и, если необходимо, права, которые предоставляются ему этим статусом, характер осуществляемой деятельности и контекст, в котором она осуществляется, а также степень его независимости от политических властей ([11, §184]; *Radio France and Others v. France (dec.)* [17, §26]).

В частности, в деле *Mykhaylenky and Others v. Ukraine* Европейский суд применил критерии, выработанные в решении *Radio France and Others v. France*, при рассмотрении вопроса об ответственности государства за долги государственной компании. Ключевым аспектом исследования обстоятельств в этом отношении стал вопрос о том, пользовалась ли такая компания *достаточной институциональной и оперативной независимостью от государства*, чтобы освободить последнее от ответственности на основании Конвенции за ее действия (бездействие) ([11, §186; 14, §44]; *Ališić and Others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and the former Yugoslav Republic of Macedonia [GC]* [18, §114]). Указанный аспект включает в себя изучение ряда критериев, которые, следует иметь в виду, рассматриваются в их совокупности, то есть ни один из них при этом не является детерминантой.

1. Правовой статус компании, который подразумевает, каким правом, публичным или частным, регулируется данный статус. Постоянный подход Европейского суда заключается в том, что данный статус, хотя и важен, не является решающим при разрешении вопроса об ответственности государства за действия или бездействие компании на основании Конвенции ([11, §188]; [12, §64]). Так, в некоторых случаях

Европейский суд признавал государство ответственным за долги компаний (организаций) независимо от формальной классификации в соответствии с национальным правом. В качестве примеров можно указать дела *Mykhaïlenko and Others v. Ukraine* [14, §45], *Lisyanskiy v. Ukraine* [19, §19], *Cooperativa Agricola Slobozia-Hanesei v. Moldova* [20, §18 – 19], *Grigoryev and Kakaurova v. Russia* [21, §35], *R. Kasapor and Others v. Serbia* [22, §98].

2. Характер деятельности компании, то есть выполняет ли компания какую-либо публичную государственную (муниципальную) функцию или же осуществляет обычную коммерческую деятельность, а также принимается во внимание тот контекст, в котором она осуществляет свою деятельность.

Например, согласно практике Европейского суда, юридические лица могут считаться «правительственными», если они:

а) выполняют определенные публичные обязанности под контролем (надзором) государственных органов (к примеру, в деле *Novoseletskiy v. Ukraine* [23, §82] государство-ответчик было признано ответственным за долги Мелитопольского государственного педагогического университета);

б) являются публичными (государственными) предприятиями в сферах государственной деятельности, включая, к примеру, горную, энергетическую и транспортную отрасли (в числе таковых – дело *Romashov v. Ukraine* [24, §46 – 47] о деятельности Лисичанского государственного шахтостроительного управления; дело *Kucherenko v. Ukraine* [25, §25] о долгах коммунального эксплуатационного предприятия «Днепродзержинскгорэлектротранс», также дело *Lisyanskiy v. Ukraine*, [19, §19] о государственном угольном разрезе Артема).

К примеру, в деле *Liseyitseva and Maslov v. Russia* (по жалобе Маслова) Европейский суд учел, что определяющими функциями предприятия были осуществление отопления и водоснабжения населения всего муниципального района; Суд признал, что отношения, связанные с управлением коммунальной инфраструктурой, имеют явный публично-правовой характер [11, §208–209]. Аналогично, в деле *Yershova v. Russia* речь шла о Якутском городском муниципальном предприятии тепловых сетей [26, §57–59].

В том же деле *Liseyitseva and Maslov v. Russia* (по жалобе Лисейцевой) суд указал, что в отсутствие иной информации деятельность предприятия-должника по оказанию населению услуг в сфере пассажирского транспорта на коммерческой основе могла бы считаться исключительно коммерческой. В то же время рас-

сматриваемое предприятие оказывало те же услуги бесплатно (на льготных условиях) в отношении отдельных категорий лиц с возмещением стоимости этих услуг из бюджетных средств. Отсутствие данного возмещения поставило предприятие в сложную финансовую ситуацию [11, §215–216].

Схожим примером является и дело *Voronkov v. Russia*, в котором Европейский суд установил, что предприятие осуществляет деятельность по эксплуатации автомобильной стоянки, что, в целом, является коммерческой деятельностью. С другой стороны, основной вид деятельности связан с эксплуатацией штрафной стоянки в строгом соответствии с распоряжениями ГИБДД, которая устанавливала тарифы за данные услуги [27, §51–52].

В деле *Lyatskaya v. Russia* Европейский суд отметил, что, как правило, унитарные предприятия в сфере коммунального обслуживания не пользуются достаточной институциональной и оперативной независимостью для отказа в признании государства ответственным по долгам такого предприятия [28, §14]. Схожий вывод сделан и в деле *Startsev and Others v. Russia* [29, §17].

3. Контекст операций данной компании, то есть в каких условиях осуществляется его деятельность – монопольных или регулируемого бизнеса.

К примеру, в деле «Национальная сеть испанских железных дорог против Испании» (*Red Nacional de los Ferrocarriles Espanoles (RENFE) v. Spain*) при решении вопроса о том, является ли компания «неправительственной организацией», Европейский суд рассмотрел вопросы об управлении компанией и наличии у нее доминирующего положения в соответствующей области. Суд указал, что RENFE, согласно национальному законодательству, обладает собственностью, отдельной от государства правоспособностью и пользуется автономией при управлении. Вместе с тем высшие органы управления RENFE несут ответственность перед правительством страны, а ее внутренняя структура и деятельность регулируются законодательством, а не договорными отношениями. Суд решил, что деятельность RENFE имеет общественное значение, поскольку она является единственным юридическим лицом, осуществляющим руководство испанскими железными дорогами. На основании этих факторов Европейский суд пришел к выводу, что RENFE является «правительственной организацией» [30]. Противоположные выводы были сделаны в ранее упомянутом деле *Radio France and Others v. France* [17].

4. Институциональная независимость, то есть объем государственной собственности. В части данного критерия Европейский суд уста-

навливал, что государству принадлежит большинство акций и юридические лица полностью зависели от государства, контролировались и управлялись им (*Regent Company v. Ukraine* [31, §7]). В другом деле компания-должница находилась в собственности холдинговой компании, преимущественно основанной на общественном капитале и поэтому строго контролировавшейся специальным приватизационным агентством, а также государственным органом и в том числе правительством (*R. Kasarog and Others v. Serbia*, [22, §97]).

К примеру, в деле *Liseytseva and Maslov v. Russia* (по жалобе Маслова) Европейский суд исходил из того, что имущество – система теплоснабжения (тепловые сети) имеет особый режим правового регулирования, поскольку составляет «социально значимый объект»; содержание такого имущества обеспечивается установлением государством тарифами; тарифная политика оказала в этом случае существенное влияние на финансовую состоятельность предприятия [11, §209]. В деле *Yershova v. Russia* Европейский суд принял во внимание довод государства-ответчика о том, что оно не было основным должником предприятия. Однако Суд указал, что данный факт сам по себе не устраняет институциональную и оперативную зависимость предприятия от муниципальных властей [26, §61].

В деле *Cooperativa Agricola Slobozia-Hanesei v. Moldova* Европейский суд учел, что государство имеет значительный контроль активов компании, увеличивая их, наделило данное предприятие правом предъявления различных имущественных требований к третьим лицам, предоставляло дополнительное финансирование, отменив предъявленные к предприятию санкции, а также предоставив право третьим лицам предъявлять свои требования напрямую к предприятию [20, §18].

5. Оперативная независимость, то есть пределы государственного надзора и контроля. Европейский суд, как правило, для оценки данного критерия учитывает степень включенности государства и его компетентных органов в управление имуществом, которое передано предприятию, а также уровень контроля над текущей деятельностью. Контроль государства может принимать различные формы, а именно:

а) реорганизации и ликвидации предприятия, передачи имущества последнего другому предприятию ([26, §55]; *Chernobryvko v. Ukraine* [32, §23]; [18, §115–116]);

б) принятия мер, направленных на обеспечение финансовой поддержки несостоятельного предприятия (*Khachatryan v. Armenia* [33, §52]);

в) законодательного запрета на изъятие имущества рассматриваемого предприятия [14, §45];

г) прямого управления предприятием со стороны государства [14, §33, 45; 18, §116; 19, §19; 22, §97].

К примеру, в деле *Liseytseva and Maslov v. Russia* (по жалобе Маслова) Европейский суд учел, что спорное предприятие ранее было реорганизовано в форме выделения по инициативе районной администрации. Все имущество организации, кроме уставного фонда, было передано новому предприятию, осуществлявшему те же функции; при этом долги по заработной плате были оставлены за первоначальным предприятием. В итоге, первое предприятие не смогло удовлетворить требования заявителя и было ликвидировано районной администрацией. Указанные факты позволили прийти к выводу о том, что муниципальный орган действительно осуществлял существенную степень государственного контроля над предприятием [11, §211–213]. К аналогичным выводам Европейский суд пришел и по жалобе Лисейцевой [11, §217–218], и в деле *Voronkov v. Russia* [27, §53], в котором он отметил, что предприятие после выделения его имущества в другое предприятие функционировало еще год в отсутствие каких-либо активов, что привело к накоплению за ним долгов.

В деле *Khachatryan v. Armenia* Европейский суд отметил, что в то время как должник, закрытое акционерное общество, в соответствии с законом и уставом пользовался определенной долей правовой и экономической независимости от государства, его имущество в значительной степени контролировалось и управлялось государством. Государство распоряжалось имуществом компании как считало нужным: в частности, передало имущество компании региональной администрации, а также разрешило компании продать значительную часть имущества и предложило направить выручку на погашение долгов компании перед государственным бюджетом [33].

6. Иные критерии. Следует учитывать, что перечень критериев не является исчерпывающим.

Так, к примеру, в деле *Khachatryan v. Armenia* [33, §53] Европейский суд учел, что государство приняло ответственность по долгам компании: власти признали, что государство, не несущее ответственности по долгам компании, тем не менее приняло меры по погашению своих обязательств. Суд не усмотрел каких-либо положений, обязывающих потенциального покупателя взять на себя задолженность этой компании по заработной плате, вопреки требованиям властей. Из данного дела следует, что

государство намеревалось направить выручку, полученную от продажи своих акций этой компании, на выплату долгов по заработной плате.

Итак, перечисленные критерии по отношению к российским унитарным предприятиям (с правом хозяйственного ведения) Европейским судом были последовательно применены в деле *Liseytseva and Maslov v. Russia* [11, §193–204]. В этом деле ряд ранее обозначенных нами факторов был сужен, с учетом существа законодательного регулирования деятельности данных предприятий в национальном законодательстве.

Оценивая правовой статус предприятий в России, Европейский суд отметил две его стороны. С одной стороны, такие предприятия создаются с целью извлечения прибыли, управляют несколькими видами имущества, совершают сделки; они не получают бюджетных средств, если иное не установлено в уставе такого предприятия; могут самостоятельно предъявлять иски к другим лицам, включая самих собственников; регулирование некоторых аспектов деятельности осуществляется посредством норм корпоративного права. С другой стороны, пределы контроля собственника над предприятием явно отличаются от ситуации с «частными» компаниями; действующее правовое регулирование, по сравнению с более ранним, устанавливает более широкие полномочия собственника. Он отметил, что обширные контрольные полномочия властей относительно деятельности предприятий имеют большое значение для оценки ответственности государства за такие предприятия.

Европейский суд отметил следующие правовые точки:

1) специальная целевая правоспособность (контроль собственника над соблюдением предприятием его уставных целей) – ограниченные распоряжения имуществом данными целями; возможность оспорить «нецелевые» сделки; утверждение показателей экономической эффективности предприятия; утверждение бухгалтерской отчетности; подотчетность директоров, порядок их назначения и увольнения; значительная степень контроля деятельности предприятия и его органов управления;

2) управление имуществом (унитарное предприятие является единственным видом коммерческой организации, которое не является собственником своего имущества) – с одной стороны, учтена необходимость получения согласия собственника на некоторые сделки с имуществом, наличие законных оснований для изъятия имущества и дальнейшего распоряжения; с другой стороны, невозможность даже с согласия предприятия распоряжаться имуществом;

3) функции предприятия – не все унитарные предприятия являются чисто коммерческими, некоторые из них служат выполнению социальных задач; институциональные связи предприятия с государством обусловлены характером деятельности, соответствующим режимом переданного имущества.

Таким образом, Европейский суд заключил, что унитарные предприятия в Российской Федерации, очевидно, пользуются определенной долей правовой и экономической независимости от государства. В то же время национальное законодательство предусматривает достаточно широкий перечень прав по контролю над предприятием со стороны государства, который может быть расширен с учетом функций такого предприятия. Для разрешения вопроса об оперативной и институциональной независимости конкретного унитарного предприятия **необходимо устанавливать порядок осуществления контроля** в конкретном деле. В случае если характер деятельности предприятия является «смешанным» или «чисто коммерческим», то необходимо оценить степень фактического участия государства в его деятельности – распоряжение имуществом, поведение властей при его реорганизации или ликвидации или иных обстоятельствах, указывающих на степень государственного контроля. Исходя из этого, он заключил, что главным является вопрос о том, осуществлялись ли данные полномочия контроля, которые предусмотрены законодательством, и каким образом это происходило.

Итак, на основании изучения указанных критериев и выработанного правового подхода к их оценке можно заключить, что унитарные предприятия в России в некоторых случаях могут не иметь достаточной институциональной и оперативной независимости от государства. В силу этого государство в этих случаях, очевидно, является ответственным по требованиям к обозначенному унитарному предприятию. Сказанное означает, что неисполнение судебного акта к такому предприятию в разумный срок, естественно, является сферой ответственности государства, а именно – в лице собственника (учредителя) такого предприятия. Таким образом, в данном случае имеются достаточные основания распространить компенсационный механизм, который установлен в Законе о компенсации, и на подобные случаи.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (в ред. от 19.12.2016) // СЗ РФ. 03.05.2010. № 18. Ст. 2144.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 20.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (в ред. от 29.06.2021) // БВС. 2016. № 5.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
5. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (в ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 02.12.2002. № 48. Ст. 4746.
6. Сучкова М.А. Лисейцева и Маслов (Liseytseva and Maslov) против России: ответственность государства по долгам унитарных предприятий. Постановление Европейского Суда по правам человека от 9 октября 2014 года // Международное правосудие. 2015. № 1. С. 3–9.
7. Воробьева Н.Н., Зезекало А.Ю. Субсидиарная ответственность государства по долгам унитарных предприятий в практике Европейского Суда по правам человека. Комментарий к постановлению от 9 октября 2014 года по делу «Лисейцева и Маслов против России» // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 3. С. 127–139.
8. Скляр Г.Н. Последствия бюджетного дисбаланса на уровне муниципальных образований (на примере Алтайского края и Новосибирской области) // Современное право. 2016. № 2. С. 69–73.
9. Садриева Р.Р. Вопросы ответственности Российской Федерации по долгам унитарных предприятий в практике Европейского Суда по правам человека // Гражданское право. 2017. № 2. С. 26–29.
10. Кабанова И.Е. Привлечение муниципальных образований и государства к субсидиарной ответственности при банкротстве унитарных предприятий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 10. С. 66–72.
11. Liseytseva and Maslov v. Russia, nos. 39483/05 and 40527/10, 9 October 2014.
12. Mikhail Vitalevich Samsonov v. Russia (dec.), no. 2880/10, 16 September 2014.
13. Kotov v. Russia [GC], no. 54522/00, 3 April 2012.
14. Mykhaylenky and Others v. Ukraine, nos. 35091/02 and 9 others, ECHR 2004-XII.
15. Costello-Roberts v. the United Kingdom, 25 March 1993, Series A no. 247-C.
16. Storck v. Germany, no. 61603/00, ECHR 2005-V.
17. Radio France and Others v. France (dec.), no. 53984/00, ECHR 2003-X.
18. Ališić and Others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and the former Yugoslav Republic of Macedonia [GC], no. 60642/08, ECHR 2014.
19. Lisyanskiy v. Ukraine, no. 17899/02, 4 April 2006.
20. Cooperativa Agricola Slobozia-Hanesei v. Moldova, no. 39745/02, 3 April 2007.
21. Grigoryev and Kakurova v. Russia, no. 13820/04, 12 April 2007.
22. R. Kačapor and Others v. Serbia, nos. 2269/06 and 5 others, 15 January 2008.
23. Novoseletskiy v. Ukraine, no. 47148/99, ECHR 2005-II (extracts).
24. Romashov v. Ukraine, no. 67534/01, 27 July 2004.
25. Kucherenko v. Ukraine, no. 27347/02, 15 December 2005.
26. Yershova v. Russia, no. 1387/04, 8 April 2010.
27. Voronkov v. Russia, no. 39678/03, 30 July 2015.
28. Lyatskaya v. Russia, no. 33548/04, 18 September 2008.
29. Startsev and Others v. Russia, no. 44244/08, 19 April 2016.
30. RENFE v. Spain (dec.), no. 35216/97, 8 September 1997.
31. Regent Company v. Ukraine, no. 773/03, 3 April 2008.
32. Chernobryvko v. Ukraine, no. 11324/02, 4 October 2005.
33. Khachatryan v. Armenia, no. 31761/04, 1 December 2009.

SCOPE OF THE COMPENSATION ACT IN THE LIGHT OF EUROPEAN COURT'S CASE-LAW: STATE RESPONSIBILITY FOR THE DEBTS OF UNITARY ENTERPRISES

E.A. Somov

This scientific study is devoted to the issue of improving the right to enforcement a judgement within a reasonable time. Mainly, it is based on the research of the European Court's case-law, whose "pilot" judgment became the starting point for the emergence of the institution of awarding compensation in domestic law. The analysis of the above case-law made it possible to come to the conclusion about the possibility of extending this mechanism of judicial protection for enforcement a judgement of a property nature, in which the debtor is a unitary enterprise.

Keywords: compensation; reasonable time; enforcement a judgement; European Court of Human Rights; unitary enterprises; institutional and operational independence

References

1. Federal Law no. 68-FL of 30 April 2010 on Compensation for Violation of the Right to a Trial within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judgment within a Reasonable Time // CL RF. 03.05.2010. № 18. Ar. 2144.
2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms // CL RF. 08.01.2001. № 2. Ar. 163.

3. Ruling no. 11 of 14 June 2012 of the Plenum of the Russian Supreme Court « On some issues arising in the consideration of cases on awarding compensation for violation of the right to a trial within a reasonable time or the right to enforcement of a judgment within a reasonable time» // BVS. 2016. № 5.
4. Civil Code of 30 November 1994 no. 51-FL // CL RF. 05.12.1994. № 32. Ar. 3301.
5. Federal Law no. 161-FL of 14 November 2002 on State and Municipal Unitary Enterprises // CL RF. 02.12.2002. № 48. Ar. 4746.
6. Suchkova M.A. Liseytseva and Maslov v. Russia: state responsibility for the debts of unitary enterprises. case commentary: judgment of the European Court of human rights of 9 October 2014] // International Justice. 2015. № 1. P. 3–9.
7. Vorob'eva N.N., Zezekalo A.Yu. European Court of human rights" case law on the state"s subsidiary liability for the debts of unitary enterprises (judgment of 9 October 2014 Liseytseva and Maslov v. Russia) // Comparative Constitutional Review. 2015. № 3. P. 127–139.
8. Sklyarov G.N. Consequences of budget imbalance at municipal level (by the example of the Altai region and Novosibirsk region) // Modern law. 2016. № 2. P. 69–73.
9. Sadrieva R.R. Issues of responsibility of the Russian Federation for the debts of unitary enterprises in the practice of the European Court of human rights // Civil law. 2017. № 2. P. 26–29.
10. Kabanova I.E. The vicarious liability of the municipalities and of the state in case of bankruptcy of the unitary enterprises // Property relations in the Russian Federation. 2018. № 10. P. 66–72.
11. Liseytseva and Maslov v. Russia, nos. 39483/05 and 40527/10, 9 October 2014.
12. Mikhail Vitalevich Samsonov v. Russia (dec.), no. 2880/10, 16 September 2014.
13. Kotov v. Russia [GC], no. 54522/00, 3 April 2012.
14. Mykhaylenky and Others v. Ukraine, nos. 35091/02 and 9 others, ECHR 2004-XII.
15. Costello-Roberts v. the United Kingdom, 25 March 1993, Series A no. 247-C.
16. Storck v. Germany, no. 61603/00, ECHR 2005-V.
17. Radio France and Others v. France (dec.), no. 53984/00, ECHR 2003-X.
18. Ališić and Others v. Bosnia and Herzegovina, Croatia, Serbia, Slovenia and the former Yugoslav Republic of Macedonia [GC], no. 60642/08, ECHR 2014.
19. Lisyanskiy v. Ukraine, no. 17899/02, 4 April 2006.
20. Cooperativa Agricola Slobozia-Hanesei v. Moldova, no. 39745/02, 3 April 2007.
21. Grigoryev and Kakaurova v. Russia, no. 13820/04, 12 April 2007.
22. R. Kačapor and Others v. Serbia, nos. 2269/06 and 5 others, 15 January 2008.
23. Novoseletskiy v. Ukraine, no. 47148/99, ECHR 2005-II (extracts).
24. Romashov v. Ukraine, no. 67534/01, 27 July 2004.
25. Kucherenko v. Ukraine, no. 27347/02, 15 December 2005.
26. Yershova v. Russia, no. 1387/04, 8 April 2010.
27. Voronkov v. Russia, no. 39678/03, 30 July 2015.
28. Lyatskaya v. Russia, no. 33548/04, 18 September 2008.
29. Startsev and Others v. Russia, no. 44244/08, 19 April 2016.
30. RENFE v. Spain (dec.), no. 35216/97, 8 September 1997.
31. Regent Company v. Ukraine, no. 773/03, 3 April 2008.
32. Chernobryvko v. Ukraine, no. 11324/02, 4 October 2005.
33. Khachatryan v. Armenia, no. 31761/04, 1 December 2009.